ЖИВУ! ГОРЮ!

Слушаю каждое его слово, всматриваюсь в черты лица, волевые, но не лишённые мягкости, и думаю о том, как, пережив ад, потерю близких, друзей, заглядывая в глаза смерти и боли, можно не сломаться, остаться человеком, который верит в справедливость, честность и любовь. И, конечно, в конце концов, не выдерживаю и спрашиваю его об этом. И Василий Иосифович Тарчевский отвечает: «Жизнь должна продолжаться».

Текст Ольга Паламарь

Мы сидим в квартире фронтовика в посёлке Пионерский и говорим, кажется, уже больше четырех часов. Время несётся, стирает грани, размывает пространства, и я следую за моим собеседником его дорогами.

ТУЧА

23 июня 1941 года всех волосовских мужиков отправили на фронт. Без долгих сборов и проводов – просто погрузили на подводы и вперёд. И жизнь в селе не то, чтобы замерла, но каждого, кто остался в Волосовцах, занимал только один вопрос: что будет дальше? Надежда на лучшее боролась со страхом и растерянностью. Даже работа, которой в совхозе здорово прибавилось, тяжких мыслей не прогоняла. Теперь куда ни глянь – на полях, засеянных рожью, пшеницей, горохом и засаженных овощами (урожай в тот год обещал быть богатым), в совхозных садах, скотниках – всюду трудились в основном женщины и подростки.

Тельман как раз только окончил школу. 14 лет от роду. Когда волосовских посылали бороться с нацистами, ему сказали: «Не дорос пока, здесь понадобишься!» Тельман не спорил. Здесь так здесь. К работе было не привыкать: без дела не сидел с 11 лет – помогал своим бабушке и тёткам в совхозе: пахал, сеял, умело управлялся с лошадьми, грузы возил.

В тот день он смотрел, как уходили старшие и как те, кто оставался, плакали и крепко их обнимали, и думал о том, что ещё совсем недавно жизнь была другой. Она, большая, лежала в его ладонях, и он уже знал, как ею распорядится. Тельман только-только окончил школу и собирался пойти на курсы механизаторов, с техникой-то уже был хорошо знаком. Пахать и сеять – такая вот

2

простая и ясная идея, которую поддержал и троюродный брат. Тельман вспоминал их с Ванькой серьёзный разговор: о совхозе, о том, что каждый из них построит дом, и потом, конечно, обзаведётся семьей. И небо над ними было высокое и синее с небольшими белыми рваными облаками, и воздух горячий, и вокруг пахло летним разнотравьем, и за селом, у самого горизонта, темнела полоса леса. И ещё – мерно гудел колокол в сельской церкви. Все было как всегда, все было неизменно.

Но вдруг выяснилось, что этот мир может бесповоротно измениться, не спросив при этом ни у кого разрешения. И сейчас вот над Волосовцами повисла тяжёлая и хмурая туча ожидания.

ТЕЛЬМАН

Тельман… так его звали друзья, дома же – для бабушки, деда и теток – он был Васей, Васенькой. Если спросить Василия Иосифовича Тарчевского, почему именно Тельман, он пожмёт плечами и скажет: «Так повелось».

Вася Тарчевский был обычным парнем, в местные герои никогда не рвался. Много работал в совхозе, помогал в хозяйстве – пас скотину да землю пахал, учился хорошо, если время оставалось – пропадал с друзьями на улицах и в окрестных лесах, себя в обиду не давал, младших защищал.

Его с детства учили, что любой поступок совершается по сердцу и совести. Только так и должно. И ни время, ни обстоятельства не могут помешать остаться человеком. Так и жили. И в селе прекрасно знали: какая беда случись, можно сразу к Величкам – там помогут. Когда Васина мама умерла, и встал вопрос о том, чтобы отдать мальчишку в детдом, родственники не позволили. Бабушка Евдокия, с которой жили три дочери, забрала к себе. Обогрели, вырастили и

Фото из семейного архива Тарчевских:

1. Василий Иосифович Тарчевский

2. В городе Горький

Из рассказа Василия Иосифовича Тарчевского:

«В 80-х годах приехал в Волосовцы. Сестра уже умерла, и крест, что я ей оставил, затерялся. Вот тут и нашёл меня батюшка местной церкви. Оказывается, перед смертью сестра ему крест на хранение передала. Вернул мне батюшка его со словами: «Крест этот должен храниться у того, кто его нашёл». Привёз я крест на Камчатку и с тех пор стоит он у меня в доме на почётном месте, как напоминание о нашей священной войне и Великой Победе».

выучили. Читать Вася научился ещё до того как пошел в школу – по Библии и Евангелию. И все благодаря бабушке Евдокии. Она была церковной старостой, хорошо знала старославянский.

– Уже после войны мой дядя Коля работал в селе по линии партийной организации, большая должность. Время сложное, все – впроголодь. Ему однажды привезли 16 мешков пшеницы, мол, тебе можно. А он не взял. И в округе знали, что он даже горстки в карман не положит. В семье все такие были: и по материной линии – Величек, и по отцовской – Тарчевских.

МАКСИМ

В первую неделю войны день и ночь через Волосовцы в сторону украино-польской границы двигалась наша конница. Однако, немцев остановить не удалось: они захватывали города и села, оттесняя защитников. И вот когда волна отступления прошла через Волосовцы, Тельман и Ваня нашли в окрестных лесах немало оружия. В том числе и станковый пулемет «Максим». Его они сразу надежно схоронили в лесу, там же попрятали винтовки и патроны. Конечно, в течение нескольких дней трофеи периодически извлекали, пробуя свои силы в стрельбе. Больше всего времени ушло на освоение станкового пулемета: из него Тельман с братом «строчили» по ржи. Проверяли, срежет ли очередь колосья.

А потом случилось то, чего никто не хотел, но и предотвратить не мог…

Первой людей в незнакомой форме увидела одна из теток Тельмана – Лидия. Они шли по гороховому полю, спокойно, как хозяева здешних мест. До села оставалась пара-тройка километров.

– Тетка бросилась в Волосовцы, чтобы предупредить людей. А мы в это время «косили» из «Максима». Конечно, услышав про немцев, запрятали пулемет в лесу и сразу – домой.

Из живности и продуктов немцы тогда забрали всё, что не успели попрятать местные. То и дело из дворов и домов слышалось резковатое: «Мамка! Яйка!». Так началась трёхлетняя оккупация.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Во время оккупации многих волосовских женщин и подростков отправили в Германию на работы или прямиком в лагеря. Василия эта участь чудом миновала: он три раза сбегал, иногда прямо из рук немецких солдат. Уходил в леса, а там ищи-свищи… парень окрестности знал, как свои пять пальцев.

Его не могли найти даже полицаи … Через двадцать лет на шумном свадебном застолье, здесь, на Камчатке, Василий Иосифович встретит одного из них. И, конечно, узнает. С первого взгляда.

– Как оказалось, отец жениха прислуживал немцам в нашем селе. После войны затерялся где-то в Сибири. На свадьбе виду, что мы знакомы, он не подал и ничего не сказал. Да и что там говорить.

Портить праздник молодым Тарчевский тогда не стал, но друзьям своим – родственникам невесты, чуть позже правду всё-таки раскрыл.

– Никто особо не вмешивался, но семья та все равно недолго существовала: через год парень уехал к отцу в Сибирь.

Что это – судьба, случайность? «Жизнь», – ответит Василий Иосифович.

И добавит: «Не все ведь они были такими». Каждый делал свой выбор: одни приспосабливались к новой жизни и новой власти, убеждая себя, что так лучше, а кто-то противился, жертвуя собой. Так, в 1944 году, когда Тарчевский уже воевал в Белоруссии, он услышал историю про человека, который, работая у немцев, развернул против них подпольную борьбу. До осво-

1

2

3

бождения деревни он так и не дожил: «чужака» фашисты вычислили и расстреляли на глазах у земляков.

Войскам 1-го Украинского фронта окончательно удалось освободить Волосовцы Хмельницкой области только в марте 1944 года, во время боёв за Южный Буг. А до того времени всё село существовало (потому как жизнью назвать это сложно) под контролем вермахта. Большинство с этим, конечно же, не смирились. Набирало силу партизанское движение.

С начала войны все только и говорили, что о легендарном Ковпаке: «Его боится сам Гитлер». По большому счёту так и было. Партизанские объединения Ковпака действительно наносили огромный урон противнику.

18 мая 1942 года Сидор Ковпак был удостоен звания Героя Советского Союза. В 42-м его отряды добрались до правобережной Украины. В Ковпака верили, а результаты его военных операций воодушевляли людей, которые всё ещё находились в оккупации.

Василий Тарчевский вспоминает, что с 41-го по 43-й гг. волосовские женщины, старики и подростки продолжали работать в совхозе, дел было невпроворот: пахали, сеяли, жали, ухаживали за скотиной. Нацисты забирали большую часть продуктов. Однако кое-что удавалось передавать и партизанам. Риск, конечно, был серьёзный. Тем не менее, на него шли.

Тельман тоже не оставался в стороне. Всё оружие из своих схронов они с братом отдали начальнику партизанского отряда Виноградову. А потом стали вынашивать новую идею:

– Мы хотели завладеть немецким мотоциклом, даже устраивали засады, но ничего в итоге не вышло: обычно немцы ездили по нескольку человек – один за другим, нам с ними было не справиться. Немцев ненавидели, но трогать их в открытую было опасно, ведь в итоге могло пострадать всё село.

ПОЖАРИЩЕ

Осень 1943-го. В очередной раз в село нагрянули с инспекцией немцы: 6 человек на трёх машинах приехали за провизией. Прошлись по дворам и домам, забирая скотину, хлеб, крупы.

– От центральной дороги к окраине вела небольшая улочка – тупичок на шесть домов. Один из фрицев отправился туда – проверить, может, что из живности осталось. Там-то его и подкараулил дед Трофим. Рубанул топором – и нет немца. Через некоторое время появился другой, его дед тоже убил. Оставшиеся молча распустили скотину, запрыгнули в машины и уехали.

Вернулись через несколько... часов с карательным отрядом. К тому моменту большинство сельских успели укрыться в лесу. Бабушка Тельмана и ещё кое-кто из стариков уходить наотрез отказались, как их ни уговаривали. Во время «зачист-ки» немцы повесили Евдокию у калитки хаты. Затем разорили и подпалили дома. Зарево от пожа-рища было видно за много кило-метров.

– А некоторое время спустя в городке Меджибуж, не очень далеко от нас, отряд Ковпака уничтожил немецких комендантов. Немцы ждали приезда какого-то крупного чина, встречу назначили в церкви, выставили усиленную охрану. Только не помогло это: партизаны, переодетые в эсэсовскую форму, расправились с охранниками быстро и без шума. Такая же участь постигла и комендантов, которые находились внутри. Их всех закололи.

Кстати, говорят, что разрабатывая одну из операций, Ковпак сказал: «Прежде чем зайти в Божий Храм, подумай, как из него выйти». Возможно, речь шла именно о Меджибуже.

– Сразу после этой истории в каждое село, и в наше в том числе, понаехало немцев: допросы, виселицы. Особенно досталось еврейским семьям. За мной тоже гонялись, но я все время уходил.

ГЛАВНОЕ, ЖИВОЙ

Зимой и весной 1944 года войска 1-го Украинского фронта начали освобождение Каменец-Подольской области. Волосовцы отвоевали 8 марта.

– На реке Буг шли крепкие бои, наши оттесняли немцев все дальше. После освобождения мы, мальчишки, помогали отправлять раненых в госпиталь, хоронили убитых, собирали оружие. Затем меня мобилизовали. Нас шло с

Фото из семейного архива Тарчевских:

1. В Кихчике (Камчатка)
2. Германия. Фото с товарищем на память о службе. 1946 год
3. В гостях у отца жены

Хмельницка в Горький 6 эшелонов. По ночам немцы бомбили: спускали фонари на парашютах, чтобы было видно цель; днём же составы прикрывали наши «зенитки». Я всё время ютился у стенки, старался наружу не выглядывать – страшно было.

В Горьком Василия сразу же определили в полковую школу младших командиров, правда, закончить ее Васе так и не удалось. Однажды ночью их подняли по тревоге, переодели в новую форму, накормили хорошенько и отправили под Великие Луки.

– Бои там уже затихали. Помню, вместо города – одни кирпичи. Из Великих Лук наш 18-й противотанковый артиллерийский полк, где я был командиром артиллерийских орудий, пошёл с боями по Белоруссии – пустой, разорённой, сожжённой и изувеченной.

Его ранило в окрестностях Невеля. Командир Василий Тарчевский с товарищами тащил две «сорокопятки». Местность болотистая: по пути, чтобы не увязнуть, пилили деревья и делали настилы. Вышли незамеченными туда, где находилось несколько немецких танков, окопались в лесу и открыли по ним огонь. Тарчевскому удалось подбить две машины, правда, для этого пришлось подпустить их на расстояние 50 метров. В ответ застрочили минометы.

В себя Тарчевский пришел только в госпитале. Сам он вспоминает эти 1,5 месяца скупо: «Собрали меня, глаза вставили, в общем, вылечили – все как положено». 48 килограмм, руками талию обхватывал, – таким вышел из госпиталя Тарчевский. Но вес – не беда, можно и «добрать». Главное: руки-ноги целы.

В это время его 18-й противотанковый уже дошел до Восточной Пруссии, поэтому Василия определили в кавалерию.

– Помню, стою со своими 48 килограммами на построении, держу лошадь (а у неё седло при полном боевом – почти 50 кг). Подходит командир, смотрим мы друг на друга и понимаем, что не кавалерист я. Определили меня в 41-ю роту возить боеприпасы на передовую. Мой полк, входящий в состав войск 2-го Белорусского фронта, которым руководил маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, к тому времени был между Тильзитом и Инстербургом (конец января 1945 года). Я списался с начальником штаба Белозёровым, и он дал «добро» на возвращение. Перед тем как отправить меня, генерал Карманов вручил мне медаль «За Отвагу».

1

МОЯ ПОБЕДА

К тому моменту, когда Василий прибыл в свою часть, войска 2-го Белорусского фронта продолжали наступление, участвуя в Восточно-Прусской операции, в ходе которой к концу апреля удалось занять Восточную Пруссию и освободить северную часть Польши, а также в Восточно-Померанской операции, обеспечив выход советских войск к побережью Балтийского моря. Войска ожидали решающего рывка – на Берлин.

– Это были ожесточенные бои. Мы начали форсировать Одер 16 апреля, на два дня раньше, чем было запланировано. Нелегко пришлось, люди по горло в холодной воде наводили переправу, потом были бои за Зееловские высоты.

В то время в жизни Тарчевского произошла одна очень важная встреча. В канун одного из боёв Василий увидел человека, укутан-

«Разгром немецкой обороны на западном берегу рек Одера и Нейсе осуществлялся одновременными ударами войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. В 5 часов 16 апреля советская артиллерия начала мощную артиллерийскую подготовку. В 5 часов 20 минут перешли в атаку пехота и танки. На 1-ом Белорусском фронте одновременно было включено около 200 мощных прожекторов, ослеплявших противника и освещавших путь движения советских частей. Несколько тысяч самолётов обеспечивало операцию с воздуха. Удар советских войск был неожиданным и ошеломляющим. Вражеская оборона на западном берегу рек Одер и Нейсе была прорвана.

Войска 1-го Белорусского фронта к исходу 19 апреля продвинулись на запад на 30 км, преодолев все три оборонительные полосы, прикрывавшие Берлин с востока.

Войска 1-го Украинского фронта, под прикрытием огня и дымовых завес, форсировали реки Нейсе и Шпрее и к исходу 18 апреля продвинулись на запад до 30 км, преодолев все три оборонительные полосы, прикрывавшие Берлин с юго-востока.

Войска 2-го Белорусского фронта до 19 апреля вели наступательные бои с форсированием реки Ост-Одер, нанося большие потери противнику и не позволяя ему перебрасывать резервы с севера на берлинское направление против войск 1-го Белорусского фронта.

Начав боевые действия 16 апреля, советские войска в течение нескольких дней разгромили противостоящие соединения противника и создали условия для развития манёвра по окружению всей берлинской группировки немцев».

(Из сборника материалов по истории военного искусства в Великой Отечественной войне. Выпуск Y, том IY. Воениздат, М.: 1955 г.)

ного в плащ-палатку. Он двигался от одной к другой группе военных, жал руки и что-то коротко говорил. Сослуживцы вытягивались по струнке, улыбались. Очередь дошла и до Тарчевского с товарищами. И вновь – крепкое рукопожатие, ободряющие слова. Глядя в спину удаляющемуся незнакомцу, Василий спросил у своих, кто это был. В ответ услышал: «Наш командующий – Рокоссовский».

Уже в самом Берлине Тарчевский участвовал в прикрытии однополчан, которые форсировали реку Шпрее. Огневую позицию выбрали на последнем этаже одного из зданий, стоявших на набережной. Строчили из 45-миллиметровой противотанковой пушки по соседнему берегу, в сторону рейхсканцелярии.

– Да, тяжело продвигались, но была техника и предчувствие того, что мы близки к Победе. Я помню, как мы шли по городу, как «лупили» по бункерам, там ещё оставались какие-то части немецких войск, которые пытались оказывать сопротивление, – вспоминает бои за Берлин Тарчевский.

Они двигались по улицам, попутно зачищая и здания. В одном из них – старом и массивном оказалась кондитерская фабрика. Здесь же удалось найти зернохранилища, правда, вся пшеница в них была залита карамельной массой.

А 5 мая Василий Тарчевский добрался до Рейхстага. Над зданием уже как пять дней реял штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии. У тяжёлых входных дверей стоял Т-34 с бортовым номером 15.

– Я вошёл внутрь и попал в небольшой сад, где повсюду лежали тела. Затем направился в здание. Помню, что оно не произвело на меня впечатления – огромный дом и всё. Внутри было темно, часто встречались завалы и попадались обломки каких-то статуй.

Василий поднялся на второй этаж и заглянул в один из кабинетов: на столах, стульях грудой лежали бумаги, папки. Немецкого он не знал, так, из любопытства раскрыл одну из них и стал перебирать листы. Вдруг какой-то предмет выпал и гулко ударился о деревянную крышку. Тарчевский увидел крест – примерно с ладонь. Спустя несколько лет, когда он будет навещать близких в Волосовцах, оставит крест у родных, которые затем передадут его в местный храм.

Спустя четыре месяца, 7 сентября 1945-го, Василий Тарчевский вместе со своими товарищами, чеканя шаг, маршировал на Параде Победы Союзных войск в Берлине, который принимал маршал Советского Союза Георгий Жуков.

В Берлине Василию предстояло пробыть ещё 2 года. В город постепенно возвращались люди, восстанавливались дома. И ещё, - это одно из ярких воспоминаний о немецкой столице, – наши ребята, колесившие по улицам Берлина на велосипедах. Иногда «железные кони» грохотали по мостовым и асфальту, потому как ни шин, ни покрышек на колёсах не было.

Фото из семейного архива Тарчевских:

1. Владивосток. Дембель. 1948 г.

2. С женой Лизой

3. Василий Тарчевский, Берлин, 1945 г.

«Берлинская операция – одна из крупнейших операций Великой Отечественной войны. С обеих сторон в ней участвовали 3,5 млн человек, 52 тысячи орудий и миномётов, около 8 тысяч танков и САУ (штурмовых орудий), 11 тысяч самолётов. Операция отличалась исключительно высокой напряжённостью борьбы с обеих сторон. О степени ожесточённости боёв свидетельствуют и большие потери наших войск. Войска трёх фронтов в общей сложности потеряли свыше 353 тысяч человек (из них более 78 тысяч человек составляли безвозвратные потери).

<...> Родина высоко оценила ратный подвиг Героев последней битвы Великой Отечественной войны. Более 1,5 млн воинов были награждены орденами и медалями, а свыше 600 человек удостоены звания Героя Советского Союза. 23 воина награждены второй медалью «Золотая звезда», в том числе Маршалы Советского Союза И. С. Конев и К. К. Рокоссовский. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков стал трижды Героем Советского Союза. 187 частей и соединений получили почётное звание Берлинских.

В честь увековечения одержанной победы Президиум Верховного Совета СССР 9 июня 1945 г. учредил медаль «За взятие Берлина», которой награждены около 1,1 млн участников штурма».

(Из сборника военно-исторических карт «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.». М.: Звонница-МГ, 2006 г.)

СУДЬБА

Служба в мирное время спокойной не была.

– Нас как-то отправили в Познань – несколько эшелонов танков и пушек «сорокопяток». И вот, по прибытии какой-то поляк застрелил коменданта. Слух об этом разлетелся мгновенно. Человека того поймали и казнили, прямо там. По сути, самосуд. В чем наших и стали обвинять поляки, быстро стянувшие на привокзальную площадь порядка 40 машин с военными. Ответ себя ждать не заставил: башни нескольких советских танков развернулись и дали залп. Завершилось всё тем, что советские эшелоны вернули в Германию и расформировали. Меня определили в небольшой немецкий город, поставили в начальники – сопроводителем эшелонов с трофейным имуществом, которые шли до Ленинграда через Польшу.

Начальником Тарчевский был честным и толковым. Должность-то ему досталась непростая: то и дело появлялись желающие сорвать пломбу и своровать что-нибудь из государственного имущества. Так, однажды, к Василию Иосифовичу привели моряка, пытавшегося утащить полбочки спирта. В общем-то, путь у парня, если бы не Тарчевский, был один – суд да тюрьма. Но командир эшелона решил жизнь не губить: бочку отобрал, а матроса отпустил.

И вот здесь вновь начинаешь думать о жизни, и о том, как она ловко порой закручивает сюжеты.

1948 год. Декабрь. Владивосток. Железнодорожный вокзал. Василий Тарчевский ждёт своих друзей, они вот-вот прибудут московским поездом. Парни собираются работать на Северах. Тарчевский, к

1

слову, к этому времени уже демобилизовался, успел побывать в родном селе, даже нашёл отца.

Оторваться от мыслей о доме заставил севший рядом человек, – попросил закурить. Он смотрит на Тарчевского пристально и вдруг произносит: «Где-то я вас уже видел».

– Я ему в ответ: «Только, если служили». Оборачиваюсь и понимаю, что это тот самый парень, что у меня с эшелона спирт воровал. Разговорились мы. Он как раз собирался на Камчатку, позвал с собой. Мои товарищи из Москвы тогда так и не приехали. Я и подумал: почему бы и нет, Камчатка так Камчатка.

До полуострова Василий добирался на огромном «Ломоносове». План, сложившийся в голове был таким: из Петропавловска – сразу же на побережье. Но вновь судьба все повернула по-своему. На севере полуострова шумела непогода – не пробиться. Пришлось ненадолго остаться в городе.

И вот если бы не та его задержка, не познакомился бы Тарчевский с самой главной и нежной своей привязанностью и любовью – Лизой, или как он до сих пор ласково зовёт её Лизонькой.

Заняться в Петропавловске было нечем, потому Василий вместе со знакомыми решил отправиться в лыжный поход. Заодно немного посмотреть, что ж это за земля такая, Камчатка.

– Дорога была долгой: из Петропавловска до Елизово, потом Начики и дальше по сопкам – к

«Уничтожение берлинской группировки непосредственно в городе продолжалось до 2 мая. Каждую улицу и каждый дом нашим войскам приходилось брать штурмом. Враг сопротивлялся отчаянно. Гарнизон Берлина, непрерывно увеличивающийся за счёт отходивших в город воинских частей и привлечения местного населения, насчитывал в конце апреля до 300 тысяч человек. На его вооружении находилось 3 тысячи орудий и минометов, 250 танков. Все улицы перекрывали прочные баррикады. Почти все здания, даже разрушенные, были приспособлены к обороне. Широко использовались подземные сооружения, включая метро. Имелось большое количество железобетонных колпаков и бункеров, наиболее крупные из которых вмещали до 1 тысячи человек.

Территория Берлина вместе с пригородами составляла 325 кв. км.»

(Из сборника военно-исторических карт «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.». М.: Звонница-МГ, 2006 г.)

1 января 2015 года Василию Иосифовичу Тарчевскому исполнилось 89 лет. И пусть зрение подводит (он не видит после проведённой операции, сейчас его глаза – любящая семья), но память воскрешает лица, голоса, даты, города, дороги, и несется в вихре время, стирая пространства.

рыбокомбинату. Дошли мы до него глубокой ночью, уставшие и замёрзшие. Постучали в какую-то дверь: та приоткрылась, и к нам выглянула девушка. Такой вот и была моя первая встреча с будущей женой.

За Лизой Василий ухаживал два года, а потом девушка, наконец, согласилась выйти за него замуж. Василий Иосифович говорит: «Лиза строгая была, но характер хороший». С супругой Елизаветой Семёновной они прожили душа в душу 63 года. Вырастили сыновей Александра и Владимира и дочку Ольгу. Лиза всегда была его опорой, именно на её хрупких плечах лежали все заботы о доме и детях. А ещё у Тарчевских был и свой огород. Заведовала им тоже Лиза. Её жизнелюбия, трудолюбия, терпения хватало на всё и всех.

– Лизоньки не стало на 81-м году, – вздыхает Василий Иосифович. И повторяет эхом: «Лиза».

НЕ ЧУВСТВУЯ УСТАЛОСТИ

40 лет Василий Иосифович Тарчевский проработал начальником 823-го военного склада в Елизовском районе. Чтобы понимать, какая ответственность лежала на его плечах, нужно знать несколько цифр: через склад проходило 1 200 000 тонн угля в год, а ещё в хозяйстве: лаборатории по определению качества топлива, станции по перекачке, автопарк. И коллектив был немаленький – более 200 человек в подчинении.

Знакомые и коллеги из других ведомств и учреждений про Тарчевского говорили: «Вечно он всех жалеет». А он, действительно, голос и то редко повышал на сотрудников. Но поставить себя умел. И ещё – не боялся принимать на работу тех, от кого другие отказывались – брал на поруки бичей и людей, отсидевших в тюрьме.

– К любому можно подход найти и человека в нём разбудить. Проще всего отмахнуться. А ты попробуй – помоги!

Деятельной натуры Василия Иосифовича хватало и на депутатство. 25 лет – в Авачинском сельсовете. Наказы получал от людей – на строительство дорог, колодцев, монтаж освещения. Говорит: «Все исполняли. А иначе как? Все рядом живем, в глаза друг другу смотрим».

– А как же семья? На семью-то времени, наверное, и не хватало.

– Да почему же. И с семьей успевал быть, жена хорошей помощницей была. Вот – троих детей вырастили, пятерых внуков, семерых правнуков. Все – дружные.

– А усталость как же?

– А что усталость, я до сих пор ее не чувствую. Живу, горю.

Фото из семейного архива Тарчевских:

1. В. Тарчевский в группе ветеранов Елизовского района в день приезда М. Калашникова
2. В. Тарчевский (слева) с товарищами
3. В. Тарчевский в краеведческом музее